

ПОНИМАНИЕ КАК ПРИЗНАНИЕ

Курилович Иван Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6;
e-mail: ikrlvtch@gmail.com

Автор демонстрирует диалогичность и историчность процесса понимания, на основании чего приходит к трем выводам, которые радикально отличаются от положений статьи, предложенной для дискуссии: 1) понимание не является проблемой личностных и социальных смыслов, 2) понимание структурировано аналогично признанию; 3) как и признание, понимание позиционно определено, а потому конфликтно. Оно разрушает субъектно-объектные отношения и приводит к взаимному преобразованию субъекта и объекта понимания, не оставляя места незатронутой субъективности.

Ключевые слова: понимание, признание, диалогичность, познание, преобразование, субъект, объект

UNDERSTANDING AS RECOGNITION

Ivan S. Kurilovich – PhD in Philosophy, research fellow. Russian State University for Humanities. 6 Miusskaya sq., GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation;
e-mail: ikrlvtch@gmail.com

The author demonstrates the dialogic and historicity of the process of understanding, on the basis of which he comes to three conclusions that radically differ from the main points of the article under discussion: 1. the understanding is not a problem of personal and social meanings; 2. the understanding is structured like the recognition; 3. as well as recognition, the understanding is defined by positions, and therefore it is conflictual, it destroys subject-object relations. The consequence of it is the mutual transformation of the subject and the object of understanding, leaving no place for unimpaired subjectivity.

Keywords: understanding, recognition, dialogue, cognition, transformation, subject, object

Работы А.Л. Никифорова по теме понимания говорят не только об интересе автора, но и о стойкости позиций: предложенная выше статья продолжает размышления автора в статье 2013 г. [Никифоров, 2013], и обе они восходят к работе «Семантическая концепция понимания» [Никифоров, 1991], опубликованной на основе доклада 1984 г. Тезисы 1984 и 2013 гг. сходятся в главном: 1) понимание есть не открытие, а интерпретативное приписывание смысла предмету понимания; 2) приписываемый в понимании смысл основывается на двух сторонах смыслового контекста интерпретатора, социальном контексте от третьего лица и личностном от первого лица; 3) взаимопонимание держится на сходстве общего в смысловом контексте и не может быть полным вследствие несводимости личностных смыслов. Названием представленная в лежащем перед читателем номере статья «Языковые универсалии в структуре понимания» обязана не столько доводу, сколько детализации устройства смыслов, общих и личностных – утверждению продуктивности применения первопорядковой логики по сравнению с пропозициональной: «основой осмысления

мира» являются «языковые универсалии», т. е. «категории причины и следствия, сущности и явления, категории силы, движения, пространства, времени и т. д.». Впрочем, данное положение автор не развивает: упоминание семантической типологии не открывает необходимых отношений «языковых универсалий» ни с категориями как *leges entis* античной и средневековой метафизики, ни с кантианскими категориями как *leges mentis*. А.Л. Никифоров повторяет тезисы об интерпретативной природе понимания и том, что взаимопонимание держится на общих или социальных смыслах, образованных в результате обучения, общего языка и культуры. Тогда как личностные смыслы, своего рода индивидуальные aberrации, идиосинкразии и творческие озарения, образовавшиеся на основании личного опыта, не пригодны для обмена в целях взаимопонимания, что приводит к выводу: «Поэтому на уровне личностных смыслов взаимопонимание встречается очень редко».

Вывод вынуждает задуматься, благодаря чему взаимопонимание встречается, хотя и редко. Если благодаря языковым универсалиям, вынесенным в заглавие, – т. е. если оно задано априори, – тогда проблема взаимопонимания была бы лишь проблемой метода, которую стоило бы решать при помощи естественного языка, или проблемой исчисления понятий, для которой понадобился бы искусственный язык. Либо внесение «универсалий» было избыточным, а на деле есть лишь форма «ассоциации» или «привычки» словоупотребления апостериори. Подобные универсалистские попытки сводят проблемы понимания и взаимопонимания к проблеме языкового выражения, что в сущности является воспроизведением новоевропейского спора рационализма и эмпиризма на материале языка, поэтому они отступают от решения дважды: сначала сталкиваясь с полисемией «социальных смыслов», а затем – с отношением значения и значимости в «личностных смыслах». Но именно через принятие названных особенностей лежит выход из тупика.

Вопрос-ответные отношения и субъективность

Первое, что показывает практическое применение языка, это незначительность полисемии как проблемы понимания в живом диалоге и чтении текста. Многозначность слов сокращается по мере их контекстуализации. Уточнениями, вопросами и проблематизированной ситуацией высказывания обеспечивается улучшение понимания, т. е. обнаружение проблемного единства целого и обращение к частям текста как ответам на вопрос [Коллингвуд, 1980]. Отличие взаимопонимания в диалоге от понимания высказывания прошлого аналогично

отличию физического и мысленного экспериментов: в диалоге и физическом эксперименте условия и вопросы, ответы на которые подлежат пониманию, налично даны, а при выражении, отстоящем от нас, как и при мысленном эксперименте, условия и вопросы конструируются на основании intersubjectively очевидности, достоверности, однако в обоих случаях действует одна вопрос-ответная логика и отношение априори-апостериори внутри вопроса.

Другая проблема – «личностные смыслы», речь о них кажется не более чем результатом интроспекции субъективности, ментальных состояний, возможно эпифеноменальных, возникших как теоретический конструкт за счет смешения высказывания и условий, среды высказываний без учета их проблематизации. Используемый А.Л. Никифоровым термин А.Н. Леонтьева «личный смысл» родился из радикализации предпринятого Л.С. Выготским определения и погружения в психику отношений слова, смысла и значения. У Выготского смысл был понят как «совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову» [Выготский, 1934, с. 305], и стал относиться к отдельным словам как субъективно неисчерпаемой и изменчивой множественности их контекстуальных значений при единстве потенциально точного и устойчивого значения, независимого от контекста. Так смысл вообще вбирает в себя и значение, но, по большей части, является множеством контекстуальных искажений значения. Леонтьев выводит универсальное значение за пределы смысла как набора «психологических фактов» или аберраций, а Никифоров избавляет обе части от психологизма и первую называет «социальным смыслом», а вторую – «личностным смыслом», понимая под ним в той или иной мере вербализированный набор «психологических фактов» отдельного человека, возникающих при произнесении некоторого слова.

Однако ценностные инвестиции в личный смысл обладают потенциально низкой окупаемостью: провозглашаемое богатство содержаний посредством аудита дискурсивным рассудком открывает собственное банкротство. Невыразимость или непонимаемость личностных смыслов сходна с невоплощенностью намерений и стремлений – насколько стремление воплощено, настолько оно имело место. Если содержательность личного смысла сводится к тому, что он уникальный, оригинальный и значимый, то ровно таков он и есть – и не в качестве указания, но во всей полноте данного смысла, когда уникальность равна порядковому номеру: уникальный личный сверхзначимый оригинальный смысл № 1, ... № 2, ... № 3, etc. Тем самым смысловой остаток личностных смыслов до такой степени банален, что в идеально конструируемом умозрительном процессе понимания и взаимопонимания принимать названную содержательность в расчет можно было бы лишь как эмоциональный фон, которым можно

пренебречь. Однако личностные смыслы, если продолжать использовать данное понятие, обладают не информативной, но позиционной содержательностью, т. е. не значением, но значимостью.

Признание притязания на значимость

Утверждение методологической принадлежности понимания к «наукам о духе» и объяснения к «наукам о природе» в XX в. было, как пишет П. Рикёр [Рикёр, 2010], поставлено под сомнение «семантической автономией» текста, который теперь можно не только понимать как знак семиотической триады, но и объяснять подобно фактам природы. Однако названное смешение не отменило специфику понимания, но добавило ей саморефлексивности: развитие герменевтики от пути по одноименному кругу пришло к проблеме невозможности при понимании или взаимопонимании дистанцироваться от связи значения и значимости. Проблему обнаружил еще Г.-Г. Гадамер: «Понимая другого, притязая на то, что мы его знаем, мы лишаем всякой легитимации его собственные притязания» [Гадамер, 1988, с. 391]. Ю. Хабермас [Хабермас, 2008, с. 33] пошел дальше: мы бы отвергли притязания другого, если бы могли безоценочно свести чужое высказывание до статуса мнения и описать его, но даже так мы их признаем. Понимание («рациональное истолкование») «перформативно» – всякий раз происходит признание или отказ в признании притязанию на значимость понимаемого. Перформативная позиция одинаково неизбежна при диалоге, только слушании или при чтении текста, даже исторически и культурно отдаленного. Больше того, обязательная критическая позиция понимания не предполагает своей подчиненности понимаемому – понимание есть не описание, принятие и согласие, но борьба за значимость оснований высказываний, в которой понимаемое вполне может быть признано малозначительным, подвергнуто критике, включено и продолжено уже не как самоценное. Результатом понимания становится преобразование понимающего, который допустил основания значимости понимаемого до суда над ними, и понимаемого, которое в результате процесса понимания выходит с актуализированной значимостью собственных оснований.

Проблема (взаимо)понимания через отношения значения и значимости выходит за пределы предметного поля герменевтики и анализа естественного языка, становится проблемой признания. Последняя впервые явно была поставлена И.Г. Фихте как основание Я и правовых отношений. Уже у Фихте признание вышло в пространство актов действия и стало необходимо взаимным. Но для Фихте из взаимности признания следуют его равенство или симметричность, тогда как вза-

имно признающие друг друга субъекты, равно как ищущие взаимопонимания участники диалога или читатель текста и его автор, живший за сотни лет до того, – никто из участников названных отношений не находится вне времени и вне предзаданной позиции по отношению к другому участнику, больше того – каждый из участников историчен, т. е. позиционально определен. Изменение позиции оказывается изменением ее носителя – или, говоря на языке известной традиции, его образованием (*Bildung*). Если мы ранее пришли к тому, что познание как признание значимости не может быть односторонним, то на следующем шаге нужно согласиться, что, будучи самими собой и, соответственно, отказывая друг другу в приоритете над собой, стороны признания-понимания находятся в конфликте – это борьба, которая приводит к тому, что добившиеся взаимного признания-понимания стороны больше не тождественны тем, что были до названного взаимного образования.

Пессимистичное нахождение за неудовлетворительностью языковых выражений неизбежной недосказанности «личностных смыслов» – оппонента, текста, предмета – на деле оказывается уклонением от большей проблемы – конфликтности понимания как признания. Понимание как интерпретация без препятствия «личностных смыслов» обнаруживает за интерпретируемым высказыванием вопрос, на который оно отвечает. Критерием понимания-интерпретации служит когерентность найденной проблемы с расширенной и детализированной применимостью высказываний, подлежащих пониманию, а полученный результат становится фальсифицируемой гипотезой – прямо как предмет объяснения, факт «науки о природе». Фальсифицируемое понимание как интерпретация не может быть необходимым, является лишь интерпретацией – одной из интерпретаций. Однако ценность понимания состоит не в том, чтобы быть одним в ряду многих, но в том, чтобы быть значимым – обладающим приоритетом по отношению к прочим. Поэтому пониманию в узком смысле, как интерпретации, сопутствует понимание как признание или понимание в собственном смысле слова – препятствием для него является не невыразимость некоторого богатства субъективности, но объективация собственных позиций понимающего и понимаемого, буднично преодолеваемая.

Список литературы

- Выготский, 1934 – *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Соцэкгиз, 1934. 324 с.
Гадамер, 1988 – *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 637 с.
Коллингвуд, 1980 – *Коллингвуд Р.Д.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.

Никифоров, 1991 – *Никифоров А.Л.* Семантическая концепция понимания // Загадки человеческого понимания / Сост. В.П. Филатов; ред. А.А. Яковлев. М.: Политиздат. 1991. С. 72–94.

Никифоров, 2013 – *Никифоров А.Л.* О связи смысла и понимания // *Epistemology & philosophy of science* / Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38. № 4. С. 44–54.

Рикёр, 2010 – *Рикёр П.* Понимание и объяснение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / Под ред. В. С. Степина. 2010. С. 283–285.

Хабермас, 2008 – *Хабермас Ю.* Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. № 3 (7). С. 3-33.

References

Gadamer, H.-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress, 1988. 637 pp. (In Russian)

Habermas, J. Problematika ponimaniya smysla v sotsial'nykh naukakh [Problems of understanding meaning in social sciences], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2008, vol. 7, no. 3, pp. 3–33. (In Russian)

Collingwood, R. D. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980. 488 pp. (In Russian)

Nikiforov, A. L. O svyazi smysla i ponimaniya [On the connection between meaning and understanding], *Epistemology & philosophy of science*, 2013, vol. 38, no. 4, pp. 44–54. (In Russian)

Nikiforov, A. L. Semanticheskaya kontseptsiya ponimaniya [Semantic concept of understanding], in: V. P. Filatov, A. A. Yakovlev (eds.). *Zagadki chelovecheskogo ponimaniya* [Mysteries of human understanding]. Moscow: Politizdat, 1991, pp. 72–94. (In Russian)

Ricoeur, P. Ponimanie i ob»yasnenie [Understanding and explanation], in: V. S. Stepin (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, vol. 3, [New philosophical encyclopedia], 2010, pp. 283–285. (In Russian)

Vygotsky, L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: Sotsekgiz, 1934. 324 pp. (In Russian)